

УДК 343.24

DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(2).224-232

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ, УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ КООРДИНАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеев

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

30 ноября 2015 г.

Дата принятия в печать

23 марта 2016 г.

Дата онлайн-размещения

29 июня 2016 г.

Ключевые слова

Координационная модель;
модель взаимодействия
с осужденными;
координационный центр;
координаторы

Финансирование

Государственное задание
№ 2014/233 на выполнение
государственных работ в сфере
научной деятельности в рамках
базовой части проекта № 3650

Аннотация. Модель уголовно-исполнительной системы России должна быть пересмотрена как институционально, так и идеологически. В статье констатируется, что все попытки поиска новой модели в начале XXI в. имели преимущественно ведомственную природу и не учитывали позиции уголовно-правовой и уголовно-исполнительной доктрин, общественные интересы и особый статус осужденного как центрального звена всей системы исполнения уголовных наказаний. Авторы сделали попытку создать криминологическую, уголовно-правовую и уголовно-исполнительную координационную модель взаимодействия с осужденными к лишению свободы. Эта модель при ее содержательном наполнении, по мнению авторов, будет способствовать позитивному и взаимно приемлемому диалогу гражданского общества с осужденными. Для реализации данной модели предлагается создать на федеральном и региональном уровнях совещательный орган — координационный центр взаимодействия с осужденными к лишению свободы, в полномочия которого могли бы войти вопросы организации сотрудничества учреждений и органов, участвующих в работе с осужденными, обеспечения соблюдения прав и свобод осужденных к лишению свободы. Работа координационных центров разбивается на тематические блоки, со всех сторон охватывающие стадии реализации уголовной ответственности с момента задержания осужденного до его выхода на свободу. Авторы статьи предлагают разгрузить уголовно-исполнительную систему от неприписанных ей функций (организация питания, обучения, бытового устройства и медицинского обслуживания осужденных) и ориентировать ее на достижение целей уголовной ответственности, обеспечение безопасности как общества, так и самих осужденных. Предлагается процесс реформирования уголовно-исполнительной системы подчинить следующим базовым задачам: создать основы для обеспечения прозрачности функционирования учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания; признать важность уголовно-исполнительной системы для безопасности государства; придать ресоциализации (социальной адаптации) осужденного характер базовой цели всей уголовной политики.

CRIMINOLOGICAL, CRIMINAL LAW AND PENAL ENFORCEMENT COORDINATION MODEL OF INTERACTION WITH CONVICTED PERSONS

Ivan Y. Kozachenko, Danil N. Sergeev

Ural State Law University, Yekaterinburg, the Russian Federation

Article info

Received

2015 November 30

Accepted

2016 March 23

Available online

2016 June 29

Keywords

Coordination model;
model of interaction with convicts;
coordination center; coordinators

Abstract. The model of Russian penal system should be reconsidered both institutionally and ideologically. The paper states that all the attempts to find a new model in the early 21st century were mainly of departmental nature and did not take into account the propositions of the criminal law or penal enforcement doctrines, public interest or the special status of the convict as the core link of the whole system of criminal penitentiary system. The authors attempt to create a criminological, criminal law and penal enforcement coordination model of interaction with convicted persons. The authors believe that this model will contribute to the positive and mutually acceptable dialogue between civil society and convicts. The model's implementation requires the establishment of a consultative body at the federal and regional levels — a coordination center for interaction with convicted persons. Its jurisdiction could include the organization of cooperation between agencies and bodies working with convicts and protecting the rights and liberties of convicted persons. The work of coordination centers is broken into units that encompass all stages of penal enforce-

Financing

State task № 2014/233 for state-sponsored research within the framework of the basic part of Project № 3650

ment from the moment of detention until a person's release. The authors suggest that the penitentiary system should be relieved from uncharacteristic functions (organization of meals, education, living conditions and medical services for convicts) and should focus on reaching the goals of criminal liability, ensuring the safety of both the society and the convicts themselves. It is suggested that the process of penitentiary system's reform should support the following key tasks: establishing the basis for the transparency of penitentiary institutions and agencies; recognizing the importance of penitentiary system for the safety of the state; making re-socialization (social adaptation) of the convict the basic goal of all criminal policy.

Преследуя врага, идешь его дорогой.

Китайская сентенция

Интуитивно, следуя невысказанной, ментальной установке, общество стремится уйти от необходимости решения имеющих негативную окраску проблем. Происходит это разными путями: отрицанием, замалчиванием, уклонением от прямых ответов. Преступление и человек, его совершивший, являют нам ярчайший пример проблемы, от решения которой общество убегает на протяжении многих лет: оно игнорирует ее существование, раскидывая суть проблемы по углам. Так, расследованием преступлений занимаются одни, защитой преступника — вторые, обвинением — третьи, судом — четвертые, исполнением наказания — пятые, профилактикой преступлений, социальной адаптацией и ресоциализацией осужденных вряд ли вообще кто-то занимается по-настоящему. Итог такого разобщения печален: число преступлений и преступников неумолимо растет, преступные проявления эволюционируют по законам диалектики, ведь количественные изменения переходят в качественные [1, с. 8]. Данные за 2002–2014 гг. свидетельствуют о непрекращающемся увеличении удельного веса ранее судимых среди общего количества выявленных лиц, совершивших преступления¹. В 2002 г. таких было 20,8 %, в 2008 г. — 23,8 %, а в 2014 г. — 30,7 %. Другой статистический показатель — удельный вес ранее совершавших преступления среди общего количества лиц, расследование преступлений в отношении которых окончено, демонстрирует существенный рост: 2003 г. — 27,7 %, 2008 г. — 30,4 %, 2011 г. — 40,7 %, 2013 г. — 49,4 %, 2014 г. — 53,7 %. Данные ФСИН России позволяют заметить и другую закономерность.

¹ Состояние преступности в России // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL : <https://mvd.ru/reports/item/2994866>.

При общем сокращении числа осужденных впервые (с 356 334 чел. в 2002 г. до 201 101 чел. в 2014 г.) и во второй раз (с 204 079 чел. в 2002 г. до 142 172 чел. в 2014 г.) наблюдается резкий рост количества осужденных три раза и более — со 125 729 чел. в 2004 г. до 207 860 чел. в 2014 г.² При таких впечатляющих цифрах государственная политика противодействия преступности и работы с совершившими преступления демонстрирует редкий парадокс: активизация деятельности в этом направлении ведется преимущественно в области внутриведомственного нормотворчества, сводящегося к созданию заведомо нерабочего документа «для галочки», «чтобы был» [2, с. 47]. Примеры такого нормативного мифотворчества разнообразны: проекты законов о пробации, системе профилактики преступлений, многочисленные поправки к законам, мертворожденная концепция реформирования системы исполнения наказаний и многое другое. Все эти акты родились в кабинетах чиновников и не отражают истинного положения вещей.

Таким образом, можно говорить о том, что на сегодняшний день назрела острая необходимость отказа от существующей модели отрицания проблемы эффективности уголовного наказания и скорейшего перехода к единому и широкому взгляду на систему координат «общество — преступник — государство».

Человек совершил преступление, и его лишили свободы. Что дальше? Давайте в образе незримого попутчика мысленно пройдем с ним весь его дальнейший, лишенный радости путь. Казалось бы, все и так ясно. Ясно, да не совсем, а тем более не всем. Что «ясно»? Ясно, что с момента совершения преступления (хотя и не всег-

² Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // Федеральная служба исполнения наказаний : офиц. сайт. URL : <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK>.

да) человека задерживают (лучше, чтобы он сам явился) для выяснения обстоятельств совершения им преступления (если совершил его он, а не кто-нибудь другой). Участие на этом этапе опытного и профессионального адвоката обязательно. Важно, чтобы адвоката в каждом конкретном случае (в том числе и дежурного) назначало соответствующее объединение адвокатов. Уровень ответственности за защиту преступника должен смещаться в целом на адвокатское сообщество, и в частности на его руководство. «Каждый сам по себе» — принцип не для адвокатов. Практика знает множество абсурдных случаев, превращающих защиту из подлинного и совершенного механизма правового государства в бюрократический росчерк. Например, в ряде труднодоступных районов Якутии и других северных регионов, где нет адвокатов и куда представители профессионального сообщества защитников не хотят ехать, сложилась истинно парадоксальная ситуация: следователи оплачивают за свой счет приезд адвоката, задача которого — разом подписать кипу протоколов и постановлений для соблюдения буквы закона. Разве это защита?

Со встречи с адвокатом должен начинаться путь того, кто совершил преступление. Пунктирно этот путь выглядит так: знакомство с органами дознания или следствия, если принимается мера пресечения в виде заключения под стражу — со следственным изолятором, затем прокуратура, суд и, наконец, уголовно-исполнительная система, а там и выход на свободу. Мы постараемся проиллюстрировать свое видение этого сложного и противоречивого, но очень важного процесса формирования человека, способного на любом этапе своего личного и общественного бытия адаптироваться в любой среде к социально полезной деятельности [3, с. 11–12]. На всех ключевых для этого человека поворотах судьбы его сопровождает целая армия людей, которые в разной степени опекают его, заботятся о нем, исправляют его, по крайней мере, надеются увидеть этого воспитуемого как минимум «вставшим на путь исправления» либо по максимуму — «исправившимся» [4, с. 199–200]. Фактический же результат, как говорят в народе, куда кривая выведет. Нередко итог печален: многие из тех, кто отбыл наказание, совершают преступление вновь (бывает, и не по разу), и эта проблема

присуща не только России [5, с. 233]. Почему же так получается? Ответов на этот вопрос может быть множество. В работе указанных государственных и общественных институтов много непоследовательных действий, суеты, топтания на месте, перекладывания бумаг, работы «абы как», по старинке [6, с. 26]. Иногда беда — в необученности или элементарной нехватке кадров. Так, проведенный нами в 2012–2015 гг. опрос сотрудников полиции и уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) показал: 83 % сотрудников полиции и 68 % сотрудников УИИ назвали причиной неэффективности работы по противодействию постпенитенциарным рецидивам большую нагрузку на одного сотрудника; отсутствие специальной подготовки указали 82 % сотрудников полиции и 24 % — УИИ; отсутствие методических рекомендаций по работе с бывшими осужденными — 95 % сотрудников полиции и 65 % — УИИ. Большую роль играют также описанные в литературе процесс призонизации [7, с. 3; 8, р. 47–49; 9, р. 1055], «парадокс тюрьмы» [10, с. 9–10] и проблема обусловленного принятия обществом лиц, совершивших преступления [11, с. 158]. Уровень постпенитенциарного рецидива не снижается [12, с. 6–7], и, как нам представляется, самая серьезная (и далеко не единственная) причина этого в немалой степени заключается в том, что действия указанных органов (служб), общественных институтов не скоординированы, нет их преемственности, нет карты сопровождения (назовем ее так) осужденного, содержание которой с первой его встречи с официальным органом или должностным лицом этого органа наполнялось бы необходимой информацией и передавалось по цепочке в следующий по хронологии орган. Результат — как был данный человек на первичном этапе своего знакомства со всеми теми, кто по должности с ним встречается, тайной за семью печатями, так и по выходе на свободу толком о нем никто ничего не знает.

Решить вопрос координации, подчиненности всего процесса единым целям поможет создание координационных центров взаимодействия с осужденными к лишению свободы, которые могли бы существовать на двух уровнях — федеральном и региональном.

Федеральный уровень. При президенте Российской Федерации создается координационный криминологический, уголовно-правовой

и уголовно-исполнительный центр взаимодействия с осужденными к лишению свободы (далее — координационный центр). Возглавлять данный центр должен триумвират координаторов, каждый из которых поочередно исполняет функцию председательствующего в течение соответствующего года с передачей этой функции следующему координатору. Координатором может (должен) быть самый авторитетный в научных кругах, самый уважаемый в научном сообществе, самый достойный человек: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Сфера научно-педагогической профессиональной деятельности координаторов должна охватываться специальностью 12.00.08. Таким образом, один координатор является представителем криминологического направления, другой координатор выражает особенности уголовно-правового направления, а третий — уголовно-исполнительного. Процедура выдвижения кандидатур на эту должность и их представления президенту страны для утверждения, как нам представляется, может строиться по аналогии с назначением членов Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от общественности. Творческие коллективы с учетом изложенных нами требований к претенденту-координатору выдвигают из своего круга достойного, по их мнению, кандидата, равно как могут поддержать и представителя другого творческого коллектива. Кандидаты, представители каждой научной отрасли (их три), занявшие первые места, предлагаются президенту Российской Федерации на утверждение.

Координационный центр является институтом гражданского общества, наделенным особым правом взаимодействовать с государственным аппаратом, при этом он не может быть в полном объеме государственно-властным учреждением, как не может быть и исключительно общественным. Необходимость вневедомственности координационного центра диктуется неудачным опытом создания аналогичных структур, нацеленных, казалось бы, на решение тех же задач. Во многих регионах созданы и до настоящего времени вяло функционируют межведомственные комиссии по взаимодействию в решении вопросов ресоциализации и социальной адаптации осужденных. Их работа затухла вскоре после создания, поскольку

была сведена исключительно к составлению так никогда и не реализованных планов, проектов, программ, к подготовке отчетов, статей и проектов нормативных актов. Все решения, исходящие от координационного центра, должны быть исключительно рекомендательными по сути, однако их игнорирование в каждом конкретном случае должно быть мотивировано.

Как мы отметили выше, три координатора представляют три основных направления координирующей деятельности. Основные функции криминологического направления заключаются в изучении причинного комплекса, побуждающего конкретного человека совершать преступление. В результате такого изучения должны быть выработаны криминологические основания привлечения виновного к уголовной ответственности за совершенное им преступление. Данные основания должны отражать способность уголовного права восстановить правопослушное поведение человека, сформировать у него ответственное отношение к соблюдению уголовно-правовых запретов, которые были им нарушены [13, с. 18; 14, с. 171]. Разработанные в рамках данного направления рекомендации будут полезны всем правоохранительным органам, задействованным в решении судьбы виновного. Кроме того, необходимо обозначить, насколько уголовное право способно посредством применения уголовного наказания (в нашем случае — лишения свободы) восстановить позитивную уголовную ответственность и защитить права и интересы потерпевшего, нарушенные в результате преступного посягательства, а также упредить совершение против него и других людей новых преступлений [13, с. 25]. В целях постоянного пополнения сведений об осужденном предлагается составлять типовую карту его сопровождения, которую должен будет заполнять сотрудник соответствующего официального органа: дознаватель, сотрудник следственного изолятора, следователь, прокурор, сотрудники суда и прочих служб уголовно-исполнительной системы. Эта карта сопровождения передается в соответствующий координационный центр, где она должна периодически пополняться новой информацией о ее владельце. Карта, вероятно, может быть электронным документом или формироваться как база данных со строго регламентированным или ограниченным служебным доступом.

Уголовно-правовое направление на основе материалов, собранных в рамках криминологического направления, а также информации, полученной от правоохранительных органов, судов и соответствующих служб уголовно-исполнительной системы, осмысливает типичные ошибки квалификации преступлений в классических и экстремальных уголовно-правовых модулях, по результатам их анализа предлагает правоохранительным органам и судам новейшие методики (разработки) квалификации преступлений, назначения наказаний, освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания.

Самым ответственным шагом в координации уголовно-правового и уголовно-исполнительного направлений следует признать назначение обоснованного срока лишения свободы и вида исправительного учреждения исходя из нормы уголовного закона. Только это позволит в рамках уголовно-исполнительного направления выработать строго индивидуализированную программу взаимодействия сотрудников и администрации исполнительного учреждения с осужденным. Любое отступление от закона при назначении наказания чревато тем, что всякое взаимодействие указанных сторон обречено на провал.

Проследуем дальнейшим путем осужденного. После вступления приговора в законную силу в пределах десяти суток его направляют к месту фактического отбывания срока лишения свободы. На данном этапе на основе уважения прав осужденного (т.е. памятью о том, что за решеткой — человек) и с учетом всего массива необходимой информации о нем должен быть разработан типичный вариант «пошаговой карты», которая призвана выполнить роль ариадниной нити, позволившей легендарному Тесею выйти из рокового лабиринта. А лабиринтов на пути хождения осужденного по замкнутому пространству более чем достаточно. Уголовно-исполнительная система — это сложный, самый скрытый от общественного взора и самый трудный узел человеческих страстей, надежд и разочарований. Однако реализация определенных мероприятий в рамках уголовно-исполнительного направления позволит разрубить этот своеобразный гордиев узел. Во-первых, будет способствовать тому, чтобы уголовно-исполнительная система до максимально возможных

пределов стала прозрачной. Это может быть осуществлено при одном, но очень важном обстоятельстве: если народный контроль уйдет от концепта эпизодических проверок со стороны общественных наблюдателей и станет процессом постоянным, каждодневным [15, с. 28–29]. Во-вторых, исполнение уголовных наказаний является одной из важных функций государства. В этой связи деятельность уголовно-исполнительной системы есть деятельность государственная со всеми вытекающими из этого последствиями: нравственными, социальными, экономическими, политическими, юридическими, управленческими, организационными, техническими и т.д. В-третьих, исполняя наказание в отношении конкретного осужденного, вся уголовно-исполнительная система должна с первого дня его попадания туда с помощью доступных ей средств и приемов готовить его к будущей полезной деятельности за своими пределами, а последние два года до освобождения осужденного — интенсивно контактировать с региональным координационным центром в целях решения главного для осужденного вопроса — его бытоустройства.

Человек, совершивший преступление, отбыл назначенное ему справедливое наказание. Что дальше? А дальше — как в известной фразе: «Летите, голуби, летите!» Чаще всего в неизвестность. И опять перед нами все тот же человек с тайной завесой его души. Кто-то начинает свою жизнь заново, кто-то срывается, не выдерживает. А нужно, чтобы не срывался, чтобы выдерживал, но с помощью нас, свободных (или думающих, что свободных), всем миром, как и подобает на Руси.

Региональный уровень (уровень субъекта Федерации). Указанные ранее криминологическое, уголовно-правовое и уголовно-исполнительное направления воспроизводятся и на региональном уровне, при губернаторе. Это уровень конкретных форм взаимодействия в рамках указанных направлений с конкретным человеком. Координаторами направлений (их три) регионального уровня должны быть известные в регионе достойные и авторитетные люди, подобранные по принципу «чем лучше, тем лучше». Координаторы, рекомендованные различными (желательно юридического профиля) учреждениями и организациями, назначаются губернатором, выполняют свои коор-

динационные функции постоянно с годичным председательствованием поочередно. Все три направления имеют свои функциональные блоки, профессиональный и количественный состав которых может быть разумно разнообразным. Вся необходимая информация, касающаяся вышедшего на свободу, должна стекаться в региональный центр взаимодействия. С учетом этой информации следует принимать решения по социальной адаптации освобожденного.

Каждый блок в деятельности любого из названных ранее координационных направлений обладает только ему присущими признаками и выполняет определенные функции, реализация которых позволяет уголовно-исполнительной системе достигать поставленной перед ней основной цели: эффективно исполнить наказание, назначенное осужденному, и подготовить его как минимум к нейтральной с точки зрения позитивного поведения жизни на свободе, а как максимум — успеть привить ему иммунитет против совершения преступления вновь. По нашему мнению, для этого нужно немного. Все сферы жизни человека в условиях свободы (до совершения преступления) должны быть совместимыми с подобными условиями (за исключением разумных режимных требований) в местах лишения свободы, чтобы потом, по выходе на свободу, человек мог без страха потерпеть неудачу вести жизнедеятельность вне системы исполнения наказаний. В противном случае мероприятия по социальной адаптации осужденного после отбытия им срока наказания могут быть сведены на нет особенностью восприятия отдельными категориями лиц применяемых к ним мер социальной адаптации и ресоциализации. Эта особенность обнаружена нами в ходе осуществления в 2012–2015 гг. специального исследования поведения поднадзорных при административном надзоре и условно-досрочно освобожденных. Так, по мнению около 60 % опрошенных, социальная помощь должна предоставляться им в качестве компенсации за лишения, которые осужденные претерпевали в ходе отбывания наказания в виде лишения свободы и при последующем применении воспитательных мер. То обстоятельство, что отдельные осужденные рассматривают социальную помощь как своеобразную «плату за лишения», может привести к выработке в их среде убеждения о компенсационном характере соци-

альной поддержки, что, в свою очередь, может способствовать совершению новых преступлений, оправданных мотивом возврата должного. Проблемой выступает и то, что различие жизненных условий в исправительном учреждении и на свободе (не обязательно жизнь на свободе при этом лучше) никак не способствует социализации индивида и создает ненужное основание для взаимного отторжения общества и осужденных [16, с. 12–13].

Жизненно важным для любого нормально-го человека является быт, разумно удовлетворяющий его необходимые потребности. Вот почему мы считаем обоснованным начать анализ именно с этого (бытового) блока в деятельности регионального координационного центра. Курировать его должен опытный специалист в сфере организации питания, например авторитетный диетолог или гигиенист. Функционально и содержательно ему должны быть подчинены все учреждения питания в местах лишения свободы, дислоцированных в данном субъекте Федерации. Особо подчеркнем: не с целью реализации только надзорных функций (хотя и они не отрицаются), а исключительно с целью повышения качества питания осужденных до разумных и предусмотренных специальными нормативными актами пределов. Последнее должны выполнять не чиновники уголовно-исполнительной системы, а специалисты, профессионалы. Администрация уголовно-исполнительной системы должна обеспечивать высокий уровень безопасности работников службы питания. Естественно, что сознание всех задействованных сотрудников, организующих питание, нужно ориентировать на то, что они кормят не осужденных, а в первую очередь людей. Питание осужденных должно навсегда утратить свойство наказания.

Второй блок в деятельности регионального координационного центра связан с решением жилищных проблем осужденных. Очень важно, чтобы отвечал за это направление человек, имеющий опыт в данном вопросе. Все сотрудники уголовно-исполнительной системы, занимающиеся жилищно-бытовым обустройством осужденных, функционально должны координировать с ним свои профессиональные действия. В целом же работа центра в данном направлении должна содействовать исключительно тому, чтобы жилищно-бытовые права

осужденных осуществлялись только на законной основе с учетом действующих режимных ограничений. Если у осужденного имеется право на жилище, важно, чтобы по выходе на свободу он мог это право реализовывать на постоянной основе. Не менее важным является и то, чтобы в период отбывания наказания в виде лишения свободы осужденный жил в режимных условиях, но в пределах санитарно-гигиенических норм. Эти нормы должны соблюдаться не только осужденными, но и администрацией учреждения уголовно-исполнительной системы. Нормальные жилищно-бытовые условия — это не поощрение, дарованное осужденному, а элементарное правило человеческого общежития, хотя и в специфических режимных условиях. Работа регионального координационного центра в жилищно-бытовом направлении должна укреплять сознание сотрудников исполнительной системы (и не только их) в том, что человек не лошадь и стоя спать не может, ему нужен элементарный, но достойный жизни человека уголок. А осужденный, жалующийся на жилищно-бытовые ограничения в период отбывания наказания, должен сознавать, что изменить эти условия он может и сам: *никогда* больше в такие условия не попадать.

Обеспечение нормального питания и достойных человека жилищно-бытовых условий в исправительном учреждении не может быть отделено от заботы о здоровье осужденного. Данное направление должен координировать опытный и авторитетный врач. В этой связи все разрозненные (и не очень) медицинские службы уголовно-исполнительных учреждений должны перейти под эгиду соответствующего департамента субъекта Федерации. Медицинская сфера даже в условиях режима должна быть отдана медикам. Лечить осужденного нужно по профессии, а не по должности. Администрация учреждения должна создавать безопасные условия для работы сотрудников медицинских служб в период осуществления ими своих профессиональных обязанностей. В рамках решения медицинских вопросов региональный координационный центр должен взаимодействовать с осужденным не только по принципу «Не навреди!», но и с учетом крика души осужденного: «Помоги!»

Безграмотность даже среди осужденных — позор нации. В этой связи необходимо, чтобы

образовательный блок в деятельности регионального координационного центра курировал общепризнанный в регионе (и не только) учитель. Взаимодействие с осужденными должно происходить под эгидой департамента образования соответствующего субъекта Федерации. Образовательный процесс должен быть непрерывным. Если человек до совершения преступления учился, важно, чтобы он не во вред требованиям режима продолжал свое обучение и при выходе на свободу не прекращал его. Сотрудники образовательных учреждений не только должны сами привыкнуть к мысли, что ученье — свет, но и убедить других: «Если его нет — зажги!»

О физическом и душевном состоянии человека, в том числе и осужденного, можно и нужно судить по тому, как он относится к социально полезной для него и для его близких деятельности. Естественно, что в основе такой деятельности должна преобладать трудовая. Роль труда в жизни осужденного трудно переоценить: 1) это источник здоровья — человек работает и тем самым укрепляет его; 2) источник дохода — человек работает, а труд даже осужденного должен носить возмездный характер; 3) через труд человек приобщается к коллективным формам общения; 4) труд обладает важным сублимирующим свойством: он позволяет работающему не только накапливать на будущее свой финансовый капитал, но и вырабатывать способность к активной долготелней трудовой деятельности; 5) имея трудовой заработок, осужденный обладает возможностью погасить свои долги перед потерпевшими, а если их нет, оказывать материальную помощь родным. Трудовой блок в деятельности центра должен координировать почетный, уважаемый в трудовом сообществе человек, например ветеран труда. Все сотрудники исполнительных учреждений должны осуществлять свою деятельность по трудовому обустройству осужденных под эгидой службы занятости соответствующего субъекта Федерации. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что трудовая (хозяйственная) деятельность в уголовно-исполнительной системе является частью (достаточно существенной) хозяйственной деятельности государства.

Можно и дальше продолжать вычленение в деятельности регионального координационного центра блоков (например, спортивно-

оздоровительный, творчески-развлекательный, постпенитенциарный и т.п. [17, с. 32; 18, с. 238]), но наша задача заключалась не в написании инструкции по каждому конкретному действию, а в том, чтобы создать модель координации взаимодействия различных институтов гражданского общества с государственным аппаратом и осужденными к лишению свободы. Для этого мы посчитали указанные направления наиболее важными, концептуальными. Мы отдаем себе отчет, что и наша модель далека от

совершенства и сложна в реализации. Но, если двигаться в указанных нами направлениях, возможно, у осужденного появится свет в конце его «пенитенциарного туннеля». Тогда, может быть, ученые перестанут констатировать безуспешность попыток исправления осужденного [19, р. 14; 20, р. 22–24]. И кроме того, мы преследовали цель разгрузить уголовно-исполнительную систему от неприсущих ей функций. Сапоги должны тачать сапожники, а пироги печь — пирожники.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев В.А. Правовое регулирование посткриминального поведения несовершеннолетних / В.А. Авдеев. — Иркутск : Оттиск, 2001. — 151 с.
2. Уткин В.А. Европейские правила о пробации и проблемы их реализации / В.А. Уткин // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2012. — № 1. — С. 45–50.
3. Алмазов Б.Н. Маргиналы: пособие по психологии социального отчуждения / Б.Н. Алмазов. — Екатеринбург : Орг.-метод. центр соц. помощи, 2011. — 180 с.
4. Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Е.А. Антонян. — М., 2014. — 353 с.
5. Мюллер Т. Что может снизить уровень преступности и рецидивизма? : Результаты исследований и примеры положительного опыта применения мер по реабилитации в пенитенциарных учреждениях в рамках СМП / Т. Мюллер // 2-й Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних) : сб. тез. выступлений и докл. участников, Рязань, 25–27 нояб. 2015 г.) : в 8 т. — Т. 1 : Материалы пленарного заседания. — Рязань : Акад. ФСИН России, 2015. — С. 232–236.
6. Абатуров А.И. Постпенитенциарный контроль / А.И. Абатуров. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 224 с.
7. От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: Финский опыт сокращения числа заключенных / сост. и пер. с англ. И.Г. Ясавеева. — Helsinki : National Research Institute of Legal Policy, 2012. — 223 с.
8. Papp G. Prisonization and/or Criminalization? Some Theoretical Considerations and Empirical Findings / G. Papp // Hungarian Statistical Review. — 2002. — № 16. — P. 46–66.
9. Pritkin M.H. Is Prison Increasing Crime? / M.H. Pritkin // Wisconsin Law Review. — 2008. — № 6. — P. 1049–1108.
10. Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы / Г.Ф. Хохряков. — М. : Юрид. лит., 1991. — 222 с.
11. Колинд Т. Обусловленное принятие: Проблемы лиц, освобожденных из мест лишения свободы, при встрече с «нормальным» миром / Т. Колинд // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право : реф. журн. — 2002. — № 3. — С. 158–163.
12. Городнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив / В.В. Городнянская ; под науч. ред. В.А. Уткина. — М. : Информ, 2012. — 212 с.
13. Гончарова А.Н. Криминологические основания преступлений частного обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Н. Гончарова. — Красноярск, 2002. — 27 с.
14. Мацкевич И.М. Новая уголовная политика / И.М. Мацкевич // Российский криминологический взгляд. — 2012. — № 3. — С. 168–182.
15. Зубарев С.М. Теория и практика контроля за деятельностью персонала пенитенциарной системы / С.М. Зубарев. — М. : Брайт-Издат, 2006. — 331 с.
16. Дэйвис К. Работа с правонарушителями в обществе : пер. с англ. / К. Дэйвис, Э. Бернхардт. — СПб. : Гражд. контроль, 2012. — 153 с.
17. Шмидт В.В. Быстро, долго, никак: проблемы социальной работы с семьей осужденного подростка / В.В. Шмидт, В.Р. Шмидт, И.А. Кузнецова. — М. : ИНДЕМ, 2006. — 68 с.
18. Понятовская Т.Г. Социально-правовая сущность административного надзора / Т.Г. Понятовская // Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Рапога. — М. : Проспект, 2012. — С. 237–252.
19. Farabee D. Rethinking Rehabilitation. Why Can't We Reform Our Criminals / D. Farabee. — Washington, D.C. : The AEI Press, 2005. — 97 p.
20. Martinson R. What Works? Questions and answers about prison reform / R. Martinson // The Public Interest. — 1974. — Vol. 35. — P. 22–54.

REFERENCES

1. Avdeev V.A. *Pravovoe regulirovanie postkriminal'nogo povedeniya nesovershennoletnikh* [Legal Regulation of Post-Criminal Behavior of Juveniles]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2001. 151 p.

2. Utkin V.A. European rules of probation and problems of their realization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University, Journal of Law*, 2012, no. 1, pp. 45–50. (In Russian).
3. Almazov B.N. *Marginaly: posobie po psikhologii sotsial'nogo otchuzhdeniya* [Marginal Persons: A Manual on the Psychology of Social Alienation]. Yekaterinburg, Organizational and Methodological Center of Social Aid Publ., 2011. 180 p.
4. Antonyan E.A. *Lichnost' retsidivista: kriminologicheskoe i ugovovno-ispolnitel'noe issledovanie. Dokt. Diss.* [Repeat offender personality: a criminological and penal enforcement research. Doct. Diss.]. Moscow, 2014. 353 p.
5. Myuller T. What can reduce the level of crime and recidivism? Research results and positive experience of using rehabilitation measures in penitentiary institutions within the preventative measures' system. *II Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie». Ryazan', 25–27 noyabrya 2015 g. Materialy* [Second International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, Correction». Ryazan, 2015, November 25–27. Materials]. Ryazan, Academy of Law and Management, Russian Federal Penitentiary Service Publ., 2015, vol. 1, pp. 232–236. (In Russian).
6. Abaturov A.I. *Postpenitentsiarnyi kontrol'* [Post-Penitentiary Control]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2013. 224 p.
7. Yasaveev I.G. (ed.). *Ot «strany tyurem» k obshchestvu s ogranichenym prichineniem boli: Finskii opyt sokrashcheniya chisla zaklyuchennykh* [From the «Country of Prisons» to a Society with Limited Infliction of Pain: Finnish Experience of Reducing the Number of Convicts]. Helsinki, National Research Institute of Legal Policy, 2012. 223 p.
8. Papp G. Prisonization and/or Criminalization? Some Theoretical Considerations and Empirical Findings. *Hungarian Statistical Review*, 2002, no. 16, pp. 46–66.
9. Pritkin M.H. Is Prison Increasing Crime? *Wisconsin Law Review*, 2008, no. 6, pp. 1049–1108.
10. Khokhryakov G.F. *Paradoksy tyur'my* [Paradoxes of the Prison]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1991. 222 p.
11. Kolind T. Conditioned acceptance: Problems of persons released from incarceration when facing the «normal» world. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4, Gosudarstvo i pravo = Social and Humanitarian Sciences. National and Foreign Literature. Series 4, State and Law*, 2002, no. 3, pp. 158–163. (In Russian).
12. Gorodnyanskaya V.V., Utkin V.A. (ed.). *Postpenitentsiarnyi retsidiv* [Post-Penitentiary Recidivism]. Moscow, Inform Publ., 2012. 212 p.
13. Goncharova A.N. *Kriminologicheskie osnovaniya prestuplenii chastnogo obvineniya. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminological basis of private prosecution crimes. Cand. Diss. Thesis]. Krasnoyarsk, 2002. 27 p.
14. Matskevich I.M. New criminal policy. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook*, 2012, no. 3, pp. 168–182. (In Russian).
15. Zubarev S.M. *Teoriya i praktika kontrolya za deyatel'nost'yu personala penitentsiarnoi sistemy* [The Theory and Practice of Control over Penitentiary Personnel]. Moscow, Brait-Izdat Publ., 2006. 331 p.
16. Deivis K., Bernkhardt E. *Rabota s pravonarushitelyami v obshchestve* [Work with Offenders in the Society]. Saint Petersburg, Grazhdanskii Kontrol Publ., 2012. 153 p.
17. Shmidt V.V., Shmidt V.R., Kuznetsova I.A. *Bystro, dolgo, nikak: problemy sotsial'noi raboty s sem'ei osuzhdenного podro-stka* [Quickly, Slowly, None: Issues of Social Work with the Family of a Convicted Juvenile]. Moscow, INDEM Publ., 2006. 68 p.
18. Ponyatovskaya T.G. Social and legal essence of administrative supervision. In Rarog A.I. (ed.). *Ugovovno-pravovoe vozde-istvie* [Criminal Law Impact]. Moscow, Prospekt Publ., 2012, pp. 237–252. (In Russian).
19. Farabee D. *Rethinking Rehabilitation. Why Can't We Reform Our Criminals*. Washington, D.C., The AEI Press, 2005. 97 p.
20. Martinson R. What Works? Questions and answers about prison reform. *The Public Interest*, 1974, vol. 35, pp. 22–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козаченко Иван Яковлевич — заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: iv_kozachenko@mail.ru.

Сергеев Данил Назипович — преподаватель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: dnse@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Козаченко И.Я. Криминологическая, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная координационная модель взаимодействия с осужденными к лишению свободы / И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 2. — С. 224–232. — DOI : 10.17150/1996-7756.2016.10(2).224-232.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kozachenko, Ivan Y. — Head, Chair of Criminal Law, Ural State Law University, Doctor of Law, Professor, Distinguished Researcher of the Russian Federation, Yekaterinburg, the Russian Federation; e-mail: iv_kozachenko@mail.ru.

Sergeev, Danil N. — Lecturer, Chair of Criminal Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, the Russian Federation; e-mail: dnse@mail.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kozachenko I.Y., Sergeev D.N. Criminological, criminal law and penal enforcement coordination model of interaction with convicted persons. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 224–232. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).224-232. (In Russian).